

Матвей Пеликанов

ВЕДЬМА ЗА ГАРАЖАМИ

Матвей Пеликанов

Ведьма за гаражами

<https://litres.ru/74168084>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого двора есть место, куда детям запрещают ходить. Для Фрола это пустырь за гаражами, где доживают свой век развалины прошлой эпохи, где вдалеке проносятся серебряные поезда - а теперь там ещё и поселилась ведьма. Никто толком не знает, кто она и что она делает с животными, которых забирает к себе. И Фролу предстоит разведать её тайну, когда тому, кого он любит, так нужна помощь.

Содержание

Ведьма за гаражами	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Матвей Пеликанов

Ведьма за гаражами

Ведьма за гаражами

Она проковыляла по мокрому осеннему скверу, волоча за собой целлофановые мешки с картонками, тряпками и ещё какой-то дрянью, свернула во двор и присела на скамейку. И собака была с ней, вся всклокоченная, маленькая и сердитая, с блестящими чёрными глазами – она свернулась у ног старухи клубком грязно-серого меха. Взрослые, спеша по домам после работы, подозрительно косились на них. Мы с Гариком и Тоби поначалу держались поодаль, но любопытство вело нас всё ближе и ближе. Тоби, пригнувшись и виляя хвостом, подошёл почти к самой скамейке, и собачка вдруг вскочила и низко, сипло залаяла, а Тоби вместо того, чтобы залаять в ответ, поджал хвост и прижался к моим ногам. Старуха что-то прохрипела и начала с трудом подниматься со скамейки, и тогда мы развернулись и помчались домой.

Уже из окна я видел, как она собирает свои мешки и плетётся по двору, на дальний его край, и потом в узкий проход, ведущий за гаражи. Хорошо, что она ушла, сказала мама, тоже выглянув в окно, не хватало ещё, чтобы она тут поселилась. Но она поселилась – поселилась за гаражами.

Мама говорила: Фрол, не ходи за гаражи, там порядочным людям делать нечего! – ну и вообще, чего там за гаражами такого интересного? Только грязь и пустырь до самой железной дороги. И порядочные взрослые люди туда и не ходили, но нас с Гариком, конечно же, с невероятной силой тянуло за гаражи. Мы были ещё мелковаты, чтобы с полным правом сидеть по вечерам у бочек с горящим мусором и курить дешёвые сигареты, или под свист и ободряющие крики драться до первой крови на пыльном пустыре. Но и без этого нам было, чем заняться за гаражами – мы искали редкие сокровища среди мусора и хлама в развалинах, прыгали с крыши на крышу или просто сидели на нагретом солнцем рубероиде и глазели на проносящиеся за пустырём серебряные поезда. И мы всё-таки были достаточно взрослыми, чтобы старшие почти не гоняли нас.

Так что вечером, когда я выводил Тоби на прогулку, Гарик тоже спускался из соседнего подъезда, и сначала мы степенно гуляли по двору, а потом, улучив момент, сворачивали в узкий проход, петляли по замусоренному лабиринту среди заброшенных гаражей, понемногу превращающихся в руины, переходили по доске вонючий ручей и оказывались на той стороне, за гаражами. Мама ругалась, когда замечала, что мы опять ходили туда, но я говорил, что Тоби нужно побегать, а во дворе ведь толком и не побегаешь.

Я действительно спускал Тоби с поводка, и он носился во-круг, пока мы шли налево вдоль гаражей, туда, где Тушкан

и его пацаны собирались вокруг бочки с горящим мусором. Одни сидели на скамейках, сколоченных из досок, другие на старых ящиках, а кто-то и просто на брёвнах. В облезлом плюшевом кресле восседал сам Тушкан – с висящими щеками и оттопыренными ушами, широкий и грузный в своей вечной синей олимпийке. И нас вряд ли подпускали бы близко к мусорному костру, если бы не Тоби. Завидев рыжий завиток хвоста с белым кончиком и услышав звонкий лай, Тушкан расплывался в улыбке и даже привставал с кресла, чтобы потрепать подбежавшего Тоби по загривку. Тушкан относился к Тоби с необычной нежностью, и тень этой нежности, падающая на нас – Э, Фрола не тронь! – служила нам пропуском в мир старших, то есть за гаражи и налево.

Пришествие ведьмы могло бы остаться незамеченным – ну, поселилась вонючая старуха где-то за гаражами, и что с того? Только на следующий вечер, когда мы с Тоби и Гарриком пробрались через руины на ту сторону, перешли вонючий ручей и свернули налево, мы почти сразу наткнулись на её логово. Она ещё только строила – нагромоздила картонок, натянула между развалинами гаражей какие-то облезлые верёвки и развешивала на них тряпки, целлофан и обрывки рубероида. Ведьма неуклюже ворочалась, сопела, ковыляла и не замечала нас, пока вдруг не налетел порыв ветра, и тогда она замерла, принялась и повернулась к нам. Лицо её было покрыто родинками и бородавками, на нём не было бро-

вей, и глаза были красные, то есть даже не глаза, а какие-то распухшие ямы. Она захрипела и закашлялась, из груды мусора с глухим рычанием выползла её собака, и мы попятнулись, а потом бросились со всех ног, и Тоби бежал впереди, поджав хвост.

– Она слепая, точно, слепая, – говорил потом Гарик у мусорного костра, – у неё глаз нет, она нас по запаху учуяла.

– Значит, ведьма, – веско отвечал Тушкан. – Ведьма, сто пудов.

И никто не сомневался, никто не ухмылялся и не толкал соседа локтем. Всем, кто собрался вокруг бочки с горящим мусором, было ясно, что за гаражами поселилась ведьма. Чуть позже я и сам видел, как она вскрытой банкой тушёнки приманивала старого пыльного коричневого пса, который жил в соседнем дворе столько, сколько я себя помню. Про себя я называл его Стариком – он уже не лаял, только кашлял, у него был наполовину обрубленный хвост, он подлакивал задние лапы, а ведьма что-то бормотала, и пёс послушно ковылял за ней по двору и за гаражи, и с тех пор больше никто не видел Старика. А Гарик рассказывал, что один раз она несла в руках окровавленного голубя, и словно бы обнюхивала его, и тоже что-то бормотала, и потом ещё подобрала сбитого машиной рыжего кота. И другие пацаны, собравшиеся вокруг мусорного костра, тоже видели, как она уводит или уносит к себе в логово животных и птиц, всегда старых, больных или раненных.

– Конечно, куда ей здоровых-то догнать! – говорил Тушкан, развалившись в кресле и выпуская сигаретный дым из ноздрей. – А там она их ест. Точняк, ест, вы хоть раз видели, чтобы они обратно выходили? Нет? Вот то-то! Ведьма, сто пудов, ведьма. Сжечь бы её!

Днём ведьма выбиралась во дворы, шарилась у помоек в поисках картона и тряпок или тащилась в сквер. Там она сидела на лавке, а собака сворачивалась у ведьминых ног. Ведьма доставала мотки пряжи, серой и грязной, как шерсть её собаки, и принималась вязать. У неё через плечо висела шерстяная сумка, и она вязала эту сумку, только сумка никак не менялась, просто грязная серая пряжа куда-то девалась – я смотрел за этим издалека, так, чтобы ведьма меня не заметила. А потом, когда солнце начинало клониться к закату, она снова ковыляла за гаражи. Её собака семенила впереди и, заведя уличных псов или кошек, глухо рычала и сипло лаяла, и кошки стремглав убегали, а уличные псы поджимали хвосты и пятились.

И поэтому мы стали сворачивать за гаражами направо и делать крюк по пустырю, чтобы она не унюхала нас, и чтобы самим не унюхать её логово. Оттуда пахло чем-то вроде прогорклого масла или, если подойти ближе, гнилой тряпкой, которую на неделю оставили рядом с раковиной, и с каждым днём запах становился всё сильнее. Тоби, почуяв этот запах, сердито чихал и тряс головой, и мы делали крюк по пу-

стырю, обходя стороной её жилище, построенное из картона, целлофана и рубероида. А добравшись до скамеек, ящиков и брёвен, составленных вокруг мусорного костра, мы слушали, как старшие рассказывают истории про ведьму, одна страшнее другой, а завершались все истории одним и тем же – сжечь бы её!

А потом Тоби заболел. Он почти ничего не ел и весь день лежал на своей лежанке рядом с батареей, но даже там он всё время дрожал и иногда тихонько скулил. Я хотел отвести его в ветеринарку, я нашёл в справочнике номер и позвонил туда, но никто не снял трубку. А когда я дошёл до того дома, где раньше была ветеринарка, оказалось, что двери и окна заколочены. Все уехали, и ветеринар тоже уехал, а другого ветеринара в нашем городе не нашлось. Так что я делал всё, что мог: покупал для Тоби самые вкусные консервы на отложенные карманные деньги и сам варил курицу, чтобы он полакомился. Но Тоби, чтобы не расстроить меня, едва пробовал еду, а потом снова ложился рядом с батареей, дрожал и поскуливал.

Когда мы выходили во двор, Тоби больше не бежал впереди меня и не лаял весело и звонко, гордо неся рыжий завиток хвоста с белым кончиком. Он едва плёлся за мной, и мы, сделав пару кругов по двору, возвращались домой. И поэтому я больше не ходил за гаражи, а Гарик всё-таки ходил, чтобы посидеть у горячей бочки с Тушканом и его парнями.

Гарик говорил, что Тушкан переживал за Тоби и неприлично ругался на ведьму – он считал, что она сглазила Тоби, и что пора уже наконец сжечь её.

Я стал спускать Тоби с поводка прямо у подъезда, надеясь, что он побегает, поиграет с кем-то из уличных псов и немного развеселится, но он всё равно просто плёлся за мной пару кругов по двору, а потом сам шёл к подъезду, и мы уходили домой, а Гарик отправлялся за гаражи. Я ужасно боялся, что Тоби умрёт, и поэтому, когда я ложился спать, я молился, вернее, пытался договориться с кем-то наверху, чтобы Тоби не умирал. Я просил забрать у меня годы жизни и отдать их Тоби, чтобы он ни за что не умер раньше меня. Наверное, меня никто не слушал, потому что Тоби с каждым днём становился всё слабее.

И в тот раз мы, как обычно, вышли перед закатом во двор, и я думал, что мы пройдем пару кругов и вернёмся домой. Но Тоби вдруг пошёл быстрее, а потом побежал к гаражам и в проход между ними, и мы с Гариком побежали за ним. По замусоренному лабиринту, по доске через вонючий ручей – Тоби, ко мне! Тоби! – кричал я, но Тоби не останавливался. Выбежав на ту сторону, мы увидели, что Тоби повернул налево. Тоби, стой! Ко мне, Тоби! – от бега я запыхался, а Тоби не останавливался и даже не оборачивался. Порыв ветра окатил нас вонью прогорклого масла и гнилой тряпки, я закашлялся и остановился, пытаясь отдышаться. Тоби подбе-

жал к завесе из целлофана, тряпок и рубероида и юркнул за эту завесу – прямо туда, в ведьмино логово.

Мы замерли. Тоби! – я ещё раз крикнул, и тогда мусорные стены затряслись, и откуда-то из-за них, из страшной глубины раздался низкий хриплый рык, и снова отвратительный запах ударил мне в нос. Гарик пискнул и опрометью бросился прочь, вдоль гаражей, к безопасному кругу старых ящиков и брёвен. И мне очень хотелось побежать за ним, но Тоби был там, в ведьмином логове, в трясущемся и рычащем кошмаре. Я с тоской оглянулся: солнце садилось за пустырьём, и несущийся мимо серебряный поезд сверкнул в его лучах. Я повернулся обратно и непослушными, чужими ногами сделал шаг, и ещё один, поднял руку, отодвинул в сторону липкий и маслянистый целлофан и шагнул в ведьмино логово.

Только за первым листом целлофана оказался второй, и какая-то отвратительная ткань, вроде заплесневевшего пододояльника, и лист рубероида, а потом снова целлофан, и обрывок старой афиши, и опять какое-то тряпье, и я раздвигал его руками, путался ногами, стряхивал с лица и отплёвывался, но продолжал пробираться вглубь. Вокруг что-то шипело и хлюпало, гнусная вонь становилась всё гуще, я еле сдерживал тошноту, и какая-то мерзкая тряпка облепила мне лицо, её никак не получалось стряхнуть, и я, задыхаясь, зажмурился, замахал руками и рванулся – но мои ноги запутались, я рухнул на землю, и всё закончилось.

Я открыл глаза. Перед ними оказался мягкий зелёный ковёр. Пахло лавандой, свежим печеньем и ещё так, как будто в комнате работала кварцевая лампа. Откуда-то сверху слышалось птичье чириканье. Опёршись руками о ковёр, очень мягкий и приятный на ощупь, я поднялся и огляделся.

Я сидел на полу в большой комнате с высоким потолком, таким высоким, что на самом деле комната была двухэтажной. Позади меня, с той стороны, откуда я ввалился, висел зелёный бархатный занавес. Стены рядом с ним закрывали красиво раскрашенные ширмы, а ещё на первом этаже стоял накрытый стол с табуреткой, и рядом с ними кресло. На втором этаже закатное солнце светило в большие окна, вдоль окон шла галерея, а на деревянных перилах галереи сидели голуби. Потолок уходил ещё выше четырёхгранным сводом, и под этим сводом громко чирикали воробьи. От галереи на первый этаж спускалась лестница. На лестнице стояла высокая женщина в зелёном платье с очень длинными тёмными волосами. Через её плечо была перекинута белая сумка, кажется, из шерсти. А внизу лестницы стоял белоснежный пёс с блестящими чёрными глазами – огромный, такой большой, что рядом с ним Тоби казался маленьким щеночком. Да, рядом с ним стоял Тоби, и его хвост снова закручивался весёлым рыжим завитком с белым кончиком.

– Ты живой? – женщина в зелёном платье смотрела на меня сверху, с середины лестницы.

– Да, – неуверенно ответил я, прислушиваясь к ощущению

ям, — кажется, да

— Тогда почему ты здесь? — строго спросила женщина.

Я не знал, что ответить, я и сам не понимал, почему я был там — я даже не понимал, где именно я нахожусь.

— Я полез за Тоби, — сказал я.

— Тоби? — женщина опустила взгляд на рыжий завиток хвоста. — Ах, за Тоби

— Да, — я приободрился, — мы гуляли с Тоби, гуляли без поводка. Мы часто так гуляем, потому что Тоби очень умный, и Тоби побежал за гаражи, а потом он полез в логово ведьмы

Я осёкся, но женщина вдруг весело рассмеялась:

— Логово ведьмы? Ну, допустим.

Женщина в зелёном спустилась с лестницы. Рассеянно потрепав по загривку огромного белого пса, она поправила перекинутую через плечо сумку и села на пол рядом с Тоби, а он вдруг лёг перед ней и уткнулся мордой ей в колени. Женщина положила руку Тоби на голову,

— Тоби, Тоби, что же с тобой приключилось? — она закрыла глаза и замерла.

— Он заболел, — сказал я, — заболел очень сильно. Почти ничего не ест, лежит целыми днями и дрожит, я боюсь, вдруг он болен совсем-совсем?..

Женщина продолжала сидеть неподвижно, не открывая глаз, и я замолк. Из-за раскрашенной ширмы вышел коричневый пёс. Его шерсть блестела в лучах закатного солнца,

падающих сквозь окна второго этажа. Пёс весело вилял обрубком хвоста, и я понял, что это тот самый пыльный хромой пёс – Старик из соседнего двора. Только он не выглядел ни пыльным, ни хромым, наоборот, казался молодым и здоровым. А на верхней ступеньке лестницы уселись рыжий кот и белая кошка, они внимательно смотрели вниз – на псов, на меня и на женщину в зелёном.

– Ты прав, – вдруг сказала женщина. Она открыла глаза и убрала руку с головы Тоби. – Он совсем болен. Ему очень больно, потому он и нашёл тропу ко мне.

– Но вы – я замялся и бросил взгляд на Старика, – вы поможете ему? Он поправится?

– Да и нет, – женщина поднялась и указала на табуретку около стола. – Садись, поешь.

– Спасибо, я не голоден

– Садись, – повторила она, а огромный пёс с белоснежной шерстью глухо заворчал и шагнул ко мне.

Я понял, что у меня нет выбора, а ещё – что имбирное печенье в плетёной корзинке на столе пахнет очень вкусно. Так что я сел за стол и взял одно печенье необычной формы, похожее на птицу с двумя чёрными глазами-изюминками. Я откусил кончик крыла и принялся жевать. Огромный белый пёс сел слева от Тоби, а чудесно помолодевший Старик – справа. Сам Тоби всё так же лежал, но при этом весело подёргивал белым кончиком хвоста. Женщина в зелёном тем временем прошла по первому этажу, прикосновения-

ми зажигая лампы на стенах. Она села в кресло и пристально смотрела на меня, пока я не съел всю имбирную птицу, а потом спросила:

– Как тебя зовут?

– Фрол. А вас?

– Ты можешь называть меня, – она на мгновение задумалась, – ну, скажем, Наина.

– Очень приятно, Наина, – вежливо сказал я. – Скажите, пожалуйста, Наина, вы ведьма? Вы вылечите Тоби?

Наина рассмеялась и покачала головой:

– Да и нет. Да, я ведьма. Нет, я не исцелю Тоби.

– Но вы же вылечили его, – я показал на Старика. – Он был старый и больной, а теперь такой красавец!

– Он и правда красавец, – кивнула Наина. – Но я не знахарка и не коновал. Я не лечу зверей. Я их забираю, когда для них подходит время уходить.

– Уходить? – переспросил я. – То есть умирать?

Наина промолчала. Я взглянул на Тоби. Он мирно лежал между белым псом и Стариком, и выглядел он совершенно здоровым.

– Понимаете, – снова заговорил я, – мы его нашли ещё совсем щеночком, в коробке нашли, его кто-то выбросил. Я еле уговорил маму его взять, он очень сильно болел. Мы тогда пошли в ветеринарку, и они прописали лекарство, очень дорогое. Мама говорила, что у нас нет таких денег, но я очень её просил, сказал, что обойдусь без подарка на день рожде-

ния, и на новый год, и на следующий день рождения, только бы мы его вылечили. И мама правда не дарила мне подарки на день рождения, она вместо этого покупала что-нибудь для Тоби – лежанку, или праздничные собачьи консервы, или новые игрушки. И это было ещё лучше, чем если бы она для меня подарки покупала, потому что Тоби так радовался и веселился. А теперь он снова заболел, и ветеринарка больше не работает, наверное, ветеринар уехал, и я не знаю, что делать. Я даже – я осёкся, подумав, что это прозвучит глупо, но потом продолжил, – я даже старался договориться, чтобы у меня забрали годы жизни и отдали их Тоби

– Так не выйдет, – прервала меня Наина. – Ты о таком договориться не можешь.

Она сделала ударение на ты, и поэтому я спросил:

– А кто может?

– Фрол, послушай, – Наина откинулась в кресле и покачала головой. – Чтобы отдать жизнь, именно твою Твоей жизнью торговать никто не властен, кроме тебя самого. Конечно, пока ты свою жизнь не запродавал... А у тебя самого таких сил нет.

– Но у кого-то есть?

– Есть, да разве кому нужно это – торговать за Тоби свою жизнь? Кому, кроме тебя?

– А вы можете это сделать?

Наина не ответила и отвела взгляд. Я понял, что это значит да, и вскочил с табуретки:

– Пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, сделайте так! Я готов что угодно отдать. Хотите, я вам свою жизнь продам? Всю, целиком, только пусть Тоби выздоровеет! Ну пожалуйста

Наина покачала головой:

– Мне твоя жизнь не нужна. Детские жизни меня уже давно не прельщают. А себя тратить – она пожала плечами. – Если я исцелю Тоби, и он выйдет на вашу сторону, мне это дорого обойдётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.